

Судьбы героев “Истории Петра” А.С. Пушкина и их потомков в Российской Империи

В.К. Малиновский¹

---

¹ Малиновский Всеволод Константинович — доктор физ.-мат. наук, профессор. Прямой потомок в VI-м поколении (пра-пра-правнук) участника Отечественной войны 1812 г., Бородинского сражения и заграничных походов 1813–1814 гг. барона Антона Андреевича Шлиппенбаха.

1710 год

Пушкин А.С. «ИСТОРИЯ ПЕТРА I.»

«30 сентября (1710 года — *В.М.*) Петр подтвердил капитуляцию в Петербурге двумя дипломами по ходатайству барона Левенвольда. Шведская редукция была уничтожена, и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян. Дворянство поднесло Шереметеву диплом на право гражданства в их земле.»

«ГИСТОРИЯ СВЕЙСКОЙ ВОЙНЫ (ПОДЕННАЯ ЗАПИСКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО).»

«... Во 12 день (июня 1710 года — *В.М.*) в лагере было благодарение Богу при троекратной пушечной и мушкетной стрельбе, и потом была для въезду в город фельдмаршалу встреча из Риги от всей шляхты и мещан рижских со обнаженными шпаги в лагерь к ставке его, генерала-фельдмаршала графа Шереметева. А потом генерал-фельдмаршал и генералитет в город Ригу въехали последующим образом. Прежде шла Ингерманландского полку гренадерская рота ... за ними ... За ними рижские мещаня со обнаженными шпаги, потом в карете генерал-фельдмаршал, с ним по левую сторону тайный советник Леволд. За фельдмаршаловою каретою домовою фельдмаршалов шквандрон. Въезд был в ворота, имянуемые Каролусовы. ... »

МИЛЛЕР Г.Ф. (1705–1783) «О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СЛУЖБАХ ПРЕДКОВ ШЕ-РЕМЕТЕВЫХ, ОСОБЛИВО ЖЕ О СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА БО-РИСА ПЕТРОВИЧА И О ПОТОМКАХ ЕГО».

«... Потом шел в своей парадной карете Фельдмаршал сам, и с ним по левую сторону Тайный Советник Барон Левенволд, Лифляндский природный дворянин, который во всех до завоевания Лифляндии касающихся дел великое участие имел.»

«... Осталось городу и Шляхетству получить от самого ПЕТРА ВЕЛИКАГО подтверждение данной им от Фельдмаршала капитуляции, что учинено следующего 30 Сентября в Санктпетербурге двумя дипломами, ходатайством, как в них гласит вышеупомянуто-го Барона Левенволда. Во оных Государь возобновил им все от прежних правительств данные грамоты, законы и привилегии, а не по правости отнятые маетности велел им возвратить, чрез то ненавистная Шведская редукция, яко источник многих бед Лифляндских, была уничтожена, и Лифляндия возведена на верхнюю степень своего благополучия. В следствие сего Лифляндское Шляхетство поднесло Фельдмаршалу диплом на право согражданства в их земле, которой писан 22 Генваря 1711 года на Немецком языке.»

Пушкин А.С. «ИСТОРИЯ ПЕТРА I.»

«17 сентября Петр поехал морем в Кексгольм. Петр послал в Ригу тайного советника Левенвольда для учреждения гражданского порядка в Лифляндии, придав ему в помочь Зыбина и еще офицера, знавшего по-немецки и по-латини. Сам Петр занялся исправлением крепостей и гаваней, вызовом иноземцев на заселение мест, опустошенных язвою, etc. Он составил 15 000-ый корпус лифляндский из природных тамошних дворян.

...

В Лифляндии учреждена была комиссия. Наказ, Левенвольду данный (11 пунктов) (см. ч. III — 269).

...

Петр 15 июня, спустя корабль «Полтаву» и отправя в Украину Шереметева, того же вечера отправился в Кроншлот, поруча главное правление Апраксину, на шнаве «Лизете» прибыл в Нарву (куда поехала сухим путем и Екатерина) 20-го июня. 21-го Петр отправился в Ригу на почте, куда прибыл 25-го, торжественно. Здесь узнал он о нечаянном мире Франции с Англиею. Петр предписывает адмиралу в рижских делах, относящихся к уезду и дворянству, относиться к Левенвольду, касательно торговли к Исаеву, а гарнизона — к Полонскому etc.»

Иоганн Рейнгольд Паткуль и Герхард Иоганн Левенвольде

«ГИСТОРИЯ СВЕЙСКОЙ ВОЙНЫ (ПОДЕННАЯ ЗАПИСКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО).»

«... С саксонской стороны в сочинении сего важного мира много погрешено, ибо зачали без всякой медитации. В том же мирном трактате упомянуто о выдаче шведом Паткуля.

Сей Паткуль, именем Яган Ревенголт, был природный лифляндец и в 1695-м году, когда во Швеции короля Каролуса 11-го, отца Каролуса 12-го, Статы государственные укрепили в позволенном ему в 1682-м году самодержавстве, и, как был капитаном, к лифляндскому шляхетству, которое королю не очень послушно было, послан был некоторый указ. То они, выбрав депутатов, между которыми был и помянутый капитан Паткуль, и послали в Стокгольм к королю, дабы они требовали, чтоб редуцированные маетности возвращены были. И при приезде своем в Стокгольм Паткуль восприял дерзновение при аудиенции смелые и угрожительные речи королю говорить, отчего король не него осердился, однако ж при аудиенции ему промолчал и обнадеживал лифлянцов, что по нескольких днях резолюцию получат. После того король имел совет с своими сенаторами, каким бы образом с тем лифлянцем против его дерзости и смелых поступков поступить. Но мнения сенаторския разны были, некоторые хотели, чтоб король оного Паткуля, яко мужественного и зело ученого человека, у себя оставил и приумножил бы ево королевскою милостию и учинил бы ево министром, чрез что б он был в службе

королевской и тогда б тщился он лифляндцев успокоить. А иные говорили, чтоб его за дерзость за арест взять и казнить. И последнее королю зело приятно показалось, приказал он ево взять за арест. Но он, Паткуль, уведомясь о сем от приятелей своих, ушел и скрылся.

И потом учинился процес и причли ево яко изменника государства, и маетности ево на короля отписаны, а товарищи ево зело штрафованы были. А Паткуль предался в службу короля Августа, а потом и к его царскому величеству и учинен послом и генерал-лейтенантом.»

«... А 1707-го году марта 19 числа Лит из Берлина писал, что Паткуль еще 14-го числа тогож марта шведам еще не выдан был, но выдан б-го апреля в ночи таким остоятелством, что в железах на руках и ногах, в одном шлафроке верхом отвезен от шведов, и что король Август недавно Штатам Галанским отписал, что он Паткуля, яко царского министра, шведам выдать не может.»

«... И был потом королю швецкому по мирному трактату выдан. И в 1707-м октября в 10 день в Польше по учиненному процесу недалеко от города Казимера оной Паткуль колесован. А понеже сия экзекуция зело жестока была, тогда он, Паткуль, оборотил свою голову к полачу и говорил ему, называя ево братом, чтоб отсек ему голову, и полз сам на плаху, что увидя, капитан швецкой, который при той экзекуции был, велел ему голову отсечь, за что от короля своего имел немалый гнев.»

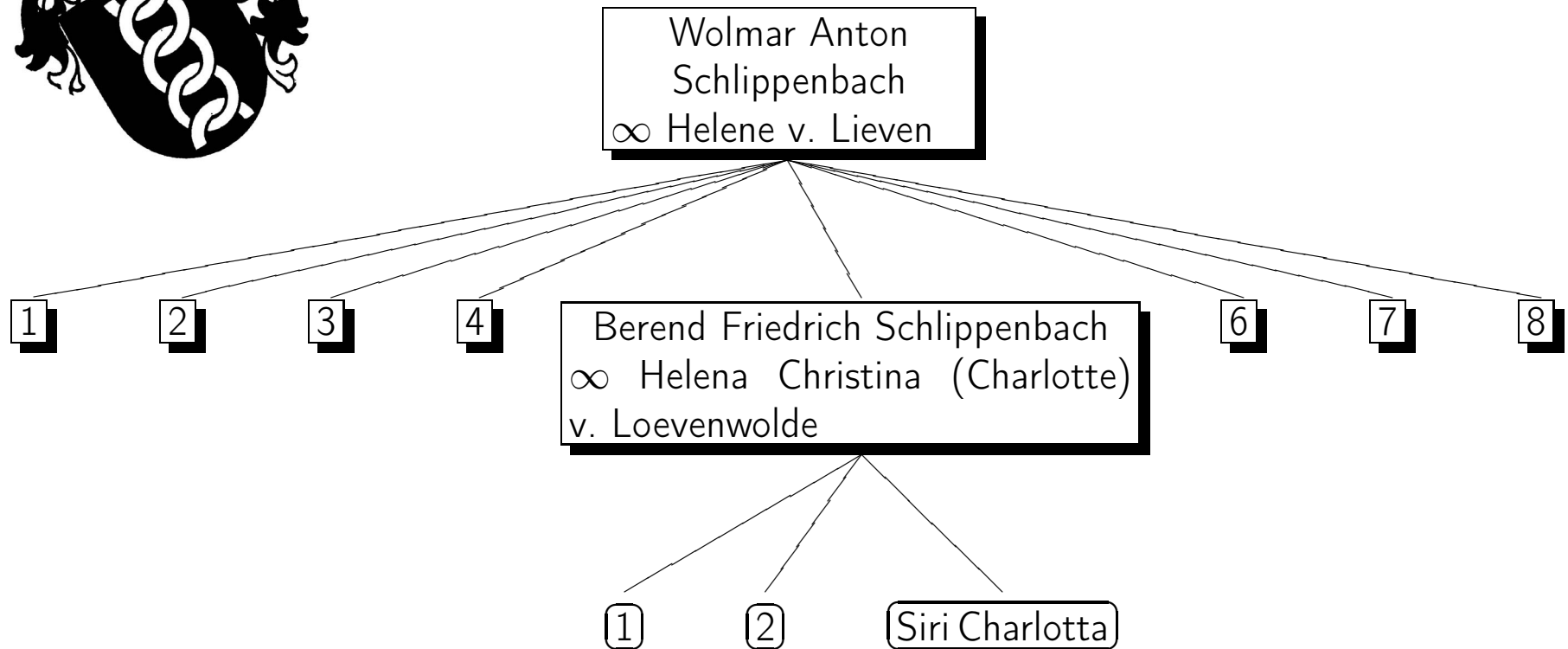
«... Паткуля заключенного шведы с собою вывезли из Саксонии 1707 сентября в первых числах, а октября в 10 день, не смотря не на какие предстательства других

государей, близь местечка Казимира в Великой Польше колесован и четвертован, где еще особливо приметно достойно, что тот офицер, который ему еще отчасть живому после колесования голову отрубить допустил, от короля швецкого чину лишен, ибо король повелел голову у него скорее не отрубить, пока не замучился до смерти.»

Потомство В.А. Шлиппенбаха (1653–1721)

(1) Wolmar Anton, * 1653.II.23, † 1721,III,27.

(2) Helene Freiin v. Lieven, □ Reval 1727,XII,10.

▶ Палли Х. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны 1701-1704 // Академия наук ЭССР, Институт истории. Таллин: Академия наук ЭССР, 1966.

▶ Sögren O. W. A. v. Schlippenbachs Lifländiska hör // Historisk afhandling, Stockholm, 1896, P. 293–320.

▶ Lewenhaupt A. Karl XII's officerare: Biografiska anteckningar // Stockholm-Norstedt, 1920-1921, 2 b., P. 599–600.

▶ Гистория свейской войны (Поденная записка Петра Великого) // Вып. 1. Сост.: Т.С. Майкова. Москва. Издательство «Кругъ», 2004.

▶ Письмо В.–А. Шлиппенбаха¹ в Кабинет Петра I. о сражениях с войском генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева при Мариенбурге и мызе Эрестфер в 1700–1701 гг. (РГАДА. Ф.9. Кабинет Петра I. Отделение I. Кн. 19. Л. 129–130. Копия. 1719 мая 14).

▶ 1720 ноября 29. — Материалы, предоставленные в Кабинет Петра I. бар. В.–А. Шлиппенбахом для составления «Гистории Свейской войны» (РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. I. Кн. 19. Л. 131–137. Копии).

---

¹ Брокгауз и Ефрон. «Энциклопедический словарь». Шлиппенбах, Вольмар Антон фон (1653–1721). Барон, шведский генерал-поручик. Из лифляндских дворян. Полковник лифляндского драгунского полка. С 1701 генерал-майор кавалерии, главнокомандующий шведскими войсками в Лифляндии и Эстляндии. С 1704 эстляндский вице-губернатор. Генерал-лейтенант (1708). В Полтавской битве атаковал правое крыло русских и опрокинул кавалерию, но был окружен и взят в плен. В 1713 отпущен, а через два года вступил в русскую службу. В 1718 назначен членом верховного суда над обвиняемыми в различных преступлениях. Генерал-поручик и военный советник.

«...Ибо всеконечно мыслить надобно, что король швецкой в таком состоянии, в котором ныне находитца, никоми мерами своей армии в Швеции, ежели у него море и привоз отниметца, долее содержать не может, но будет искать, во что б ему ни стало, свои лошади по швецкому обыкновению паки к чюжим заборам привязывать...»

«... Ce ne fut point Pultava qui perdit Charles; s'il n'avait pas été détruit dans ce lieu, il l'aurait été dans un autre. Les accidents de la fortune se réparent aisément; on ne peut parer à des événements qui naissent continuellement de la nature des choses. Mais la nature ni la fortune ne furent jamais si fortes contre lui que lui-même. Il ne se réglait point sur la disposition actuelle des choses, mais sur un certain modèle qu'il avait pris; encore le suivit-il très mal ... »

Montesquieu

De l'Esprit des Lois (1748)
Deuxième partie: Livre X,
Chapitre XIII.

Saxon Löwenwolde.

Потомство Г.И. Левенвольде (?–1723)

Gerhard Johann Freiherr v. Löwenwolde
 ∞ Magdalene Elisabeth v. Loewen

Karl
Gustav

Gustav
Reinhold

Friedrich
Casimir

C. F. Nordhofen

Helena Christina
(Charlotte)
 ∞ Berend Friedrich
 v. Schlippenbach

①

②

Siri Charlotta

- ① **Helene Charlotte**, * Bockenhof 8. 9. 1723, □ Reval 1. 11. 1765, ∞ daf. 23. 6. 1741 Eberhard Gustav Graf v. Manteuffel, † Reval 23. 6. 1778, a. Pajack u. Russal (Estl.), OberstLtnt.
- ② **Anna Friederika**¹, * Bockenhof, Livld, 22. 2. 1725, † ... 23. 6. 1779, auf Ollustfer, T. d. Kpt. Friedrich v. Sch. auf Alt-Bornhusen u. Ollustfer, Livld, u. d. Charlotte v. Löwenwolde a. d. H. Malla.
 ∞ ... 1742 Karl Gustav Freiherr v. Fersen, * ... 1717, † Ollustfer, Livld, 2. 3. 1790 (immatrikuliert bei der Livld. Rrschaft 1745; Anerkennung d. Frhrntitels durch dieselbe 6. 7. 1750), auf Pachel, Estld. [2. Zweig (Ollustfer)].
 Sohn:
 (a) Hans Heinrich Graf v. Fersen, * ... 1743, † Dubno, Rußld, 16. 7. 1800 (russ. Gfnstand l. l. 1795)².
- ③ **Siri Charlotta**, * Bockenhof, Livonia, 20. 4. 1726, † Alt-Bornhusen, Livonia, 27. 2. 1775. Heiress of Alt Bornhusen. Daughter of Friedrich Berend v. Schlippenbach of Alt-Bornhusen and Ollustfer (* 1695, † 1737) and Baroness Helena Christina (according to [GHR], p. 726 Charlotte) v. Löwenwolde (Daughter of Gerhard Johann Baron v. Löwenwolde, house of Malla; sister of Gustav Reinhold, Karl Gustav and Friedrich Casimir, Counts v. Löwenwolde).

¹ GHdA, Bd. 96, F. XV, 1989 [Fersen].

² s. GHdA, Gfl. Häuser A, Bd VII, 1973.

2. Haus (Malla)

Christoph Bernhard v. Löwenwolde, erw. 1648-1663, a. Malla, Estld, sowie 1648 a. Ayasch u. Murrikas mit Maisen, Livld, schwed. Kapt.;

∞ Isabella v. Urquart, T. d. schwed. Obersten Johann v. U. u. d. Isabella Kenmur-Gordon, beide aus Schottld.

Kinder (seit 1710 war die Führung des Freiherrentitels gebräuchlich):

1. Anna Margaretha, + p. 1711;
∞ 169. Joachim Friedrich v. Löwenwolde, * um 1640/1645, erw. 1688, 1697, + a. 1711, a. Ilmazahl (1711 restituiert), schwed. Major (s. 1. Haus).
  2. Gerhard Johann Freiherr v. Löwenwolde, (+) Dorpat 26. 4.1723, a. Malla, Ayasch u. Murrikas mit Maisen; 1697 schwed. Major, 1699 kursächs. Hofmarschall, 1700 poln.-kursächs. Oberst, 1702 kursächs. GehKriegsrat; trat 1709 in russ. Dienste, 1709-1710 GehSt.- u. Konferenzrat, Exzellenz, GenBevollmächtigter des Kaisers Peter d. Großen von Rußld für Liv- u. Estld, 1710 Hofmeister, 1710-1713 erster russ. Zivilgouv. für Liv- u. Estld, 1710-1723 Präs. der Balt. Rechtskommission; ∞ Reval 1680 Magdalene Elisabeth v. Loewen, T. d. estl. Rrschaftshptms u. Ldrats Georg Johann v. L., a. Lode u. Seyer, u. d. Barbara Dorothea v. Fersen a.d. H. Rayküll.
- Kinder:

- 1) Gustav Reinhold Graf v. Löwenwolde, * 1693, + Sso-likamsk, Sibirien, 22.7.1758 in der Verbannung; a. Maart u. Kostifer, Estld; a. Rappin, Schloß Burtneck, Zarnau, Bauenhof, Wilsenhof, Kaster, Mojahn, Seckenhof, Ruhtenhof, Zahlit u. Gallandfeld - sämtliche Güter 1736 von Kaiserin Anna und 1737 von Kaiser Peter III. von Rußld geschenkt und 1742 konfisziert und zu Kronsgütern gemacht, nachdem Kaiserin Elisabeth die Regierung angetreten hatte und Gustav Reinhold in Ungnade gefallen war; 1725 russ. Kammerpräs., 1726 Khr, 1730 OHofmarschall der Kaiserin Katharina I. von Rußld, Inspekteur des Salzwesens; 22.1.1742 gestürzt u. nach Sibirien verbannt; russ. Grafenstand 24.10.1726; unvermählt.
- 2) Karl Gustav Graf v. Löwenwolde, + Rappin 30.4.

Карл Густав Левенвольде (?–1735)

«ЗАПИСКИ ВАСИЛИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА НАЩОКИНА». СПБ., 1842.

«... В 1735 году обер-шталмейстер, лейб-гвардии Измайловского полка полковник, ордена Св. Апостола Андрея кавалер, ее императорского величества генерал-адъютант граф фон Левенвольд, который был в Польше полномочным послом и послан был к цесарю; **он же и полк Измайловский привел в изрядный регулярный порядок и в лучшую от других полков экзерцицию**; по многих его к государству трудах из немецких краев в С.-Петербург возвратился в тяжелой болезни и просил всемилостивейшую государыню, чтоб отпущен был в деревню его Дерптского уезда, в мызу Ряпину. А при отъезде призвал он всех штаб- и обер-офицеров, со всеми прощался и поехал в последнем состоянии своего здоровья, а по прибытии в свою деревню, как было известно, все домовое распорядя, добропорядочно того же года в апреле месяце умре.

Человек был великого разума, имел склонность к правосудию; **к подчиненным, казалось, был строг, только в полку ни единый человек не штрафован приказом его, а все в великом страхе находились**, и такой человек, как оный граф Левенвольд, со справедливыми поступками и зело с великим постоянством, со

смелостью, со столь высокими добродетелями редко рожден быть может. Он же при жизни его императорского величества, блаженной памяти государя Петра Великого, был его величества генерал–адъютантом и много употреблен бывал от его величества в посылки¹. В жизни своей оный граф фон Левенвольд имел охоту к ружью и охотник был до лошадей.

И так я об оном описал, как подлинное **мое есть примечание бесстрастно**, ибо я у него в особой милости не был и чрез его рекомендацию никакой милости в авантаж свой не получал, только писал в сей моей записке из почтения, **видя в жизни моей такого достойного человека, который, паче своей славы, общее добро, то есть правдолюбие, наблюдал**, что мне случилось видеть и сим засвидетельствовать. . . ».

---

¹ (№ 6405) 1713 Декабря 28 — Августейшему императору Карлу VI. —

. . . «Но паче зло злей учинил (город Гамбург — *В.М.*) и худые свои поступки к нам умножил . . . и с нашими офицерами и служителями, которые в городех посланы были для наших дел, а особливо з генерал–адъютантом бароном Левенволдом, зело зле и бесчестно поступал, но и весьма допустил, что шведы на Гамбургской земле в самом присутствии городского караула и, знатно, по оному наущению, наших офицеров грабили, не упоминая о иных, толь многих нам и нашим подданным и служителям учиненных досадах . . . » — Петр I.

Эрнст Миних о К.Г. Левенвольде

«... Кроме сего, так сказать, всемогущего любимца (Бирона — *В.М.*), состоял также **Карл–Густав, старший граф Левенвольде**, в столь великой силе, что хотя и не занимал он никакой должности в министерстве, однако никакие дела не проходили без его ведома и соглашения; **даже сам Бирон**, который ни с кем другим не хотел делить власти своей у императрицы, не только сего мужа, доколе он жив был, при себе терпел, но даже, **чему дивиться должно, некоторым образом его боялся.**

Личные свойства и качества графа Левенвольде **действительно заслуживали почитания.** Сверх острого и пронизательного разума, имел он совершенно честное сердце, был великодушен, бескорыстен и охотно вспомоществовал всем, кои с правым делом или просьбою к нему прибегали. **Он жил весьма умеренно и без великолепия.** Вид его был важен, но не неприятен, и в домашнем обхождении находили его веселым и шутливым. Другьям своим делал он добро, и кто однажды вошел к нему в любовь, тот чрез наговорки и клеветы не скоро лишался оной. Но если он однажды кого возненавидел, то уже бывал вовсе непримирим...».¹

---

¹ Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха. Спб., 1891. Эрнст Миних (род. 1707) — сын фельдмаршала Б. Х. Миниха.

РОССИЯ И РУССКИЙ ДВОР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА. ЗАПИСКИ И ЗАМЕЧАНИЯ ГР. ЭРНСТА МИНИХА. СПБ., 1891. ЭРНСТ МИНИХ (РОД. 1707) — СЫН ФЕЛЬДМАРШАЛА Б. Х. МИНИХА.

«... Между тем семья Долгоруких почти всю власть в России в свои руки захватила. Молодой император принужден был обручиться с сестрой своего наперсника, но лишь только мы о сем известились, как граф Головкин чрез нарочного получил неожиданное известие, что Петр II в 19 день января 1730 г. скончался и вдовствующая герцогиня Курляндская, вторая дочь царя Иоанна Алексеевича, приняла российский престол.

В правление покойного императора Петра II все дела государственные решались в так называемом Верховном совете, состоявшем из пяти или шести особ, в котором князь Долгорукий больше всех голосу имел. Лишь только молодой император свой дух предал, то означенный совет съехался на совещание о наследии империи. Кончиною Петра II пресекалось мужское колено императорского дома, поэтому князь Долгорукий и его сообщники почли сие обстоятельство удобным случаем, чтобы власть российских государей некоторым образом ограничить. Они не чаяли в том ошибиться, когда, невзирая на степень родства или на перворождение, поднесут престол российский такой государыне, которая будет им благодарна за оказанное ей преимущество и, следовательно, из признательности подтвердит все, какие ни будут ей представлены, условия.

И так выбор пал, как выше сказано, на вдовствующую герцогиню Курляндскую, и примечательнейшие предложенные ей статьи были следующие:

1. без усмотрения и согласия высокого совета никакого в делах государственных не подавать решения, следовательно,
2. не объявлять войны и не заключать мира.
3. Никаких не налагать поборов или налогов.
4. Никого за преступление в оскорблении величества не осуждать к смерти в одной тайной канцелярии и ни у одного дворянина не конфисковывать имущества без ясного доказательства на учиненное им вышеозначенное преступление.
5. Беспрекословно довольствоваться определяемым на содержание ее особы и придворного штата годовым доходом.
6. Казенных вотчин никому не дарить.
7. Не вступать в брак и не назначать наследника престола.

После сего к новой императрице, обретавшейся в Митаве, отправлены депутаты, между коими предводителем был князь Василий Лукич Долгорукий, чтобы возвестить ей об избрании ее и упомянутые статьи предложить на утверждение.

Сия до формы правления касающаяся перемена¹ не могла быть столь скрытна, чтобы не проведал об оной камергер покойного императора (Петра II. — В.М.) граф Густав-Рейнгольд Левенвольде, которого старший брат, после бывший обер-шталмейстером у

---

¹ Sic! Речь идет об изменении *формы правления*, т.е. не о дворцовом, а о государственном перевороте.
— Прим. В.М.

императрицы Анны Иоанновны, жил тогда в отставке в своих деревнях в Лифляндии и с давнего уже времени предан был герцогине Курляндской. Дабы уведомить сего и чрез него императрицу об оном деле как можно скорее, не нашел камергер граф Левенвольде иного удобнейшего средства, кроме как послать своего скорохода в крестьянской одежде к нему с письмом в Лифляндию. Вестник, наняв сани, скоро поспел туда, так что старший граф Левенвольде успел отправиться в Митаву и приехать туда целыми сутками ранее, нежели депутаты. Он первый возвестил новоизбранной императрице о возвышении ее и уведомил о том, что брат к нему писал в отношении ограничения самодержавия. При том он дал свой совет, дабы императрица на первый случай ту бумагу, которую после нетрудно разорвать, изволила подписать, уверяя, что нация не долго довольна быть может новым аристократическим правлением и что в Москве найдутся уже способы все дела в прежнее привести состояние. После сего, откланявшись, без замедления возвратился в свои деревни. . . »

«ЗАМЕЧАНИЯ НА «ЗАПИСКИ МАНШТЕЙНА О РОССИИ» НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА». — ОБ ОТПРАВЛЕНИИ СУМАРОКОВА ГРАФОМ ЯГУЖИНСКИМ К АННЕ ИОАННОВНЕ С ИЗВЕЩЕНИЕМ О ЗАМЫСЛАХ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА.

«Не чрез г. Сумарокова, отправленного графом Ягужинским, Анна Иоанновна получила первое известие о избрании ее на российский престол и об условиях, на которых Верховный совет предполагал вручить ей скипетр правления. Граф Карл–Густав Левенвольде (Густав Рейнгольд. — *В.М.*), находившийся тогда камергером при российском дворе, отправил тайным образом нарочного к старшему брату своему Рейнгольду (Карлу Густаву. — *В.М.*), жившему в Лифляндии. Посланный, переодетый в крестьянское платье, вышел пешком за заставу города, сел в приготовленные в некотором расстоянии сани, употребил возможную поспешность и удачно прибыл в Лифляндию с письмом графа Карла (Густава Рейнгольда. — *В.М.*) Левенвольде. Граф Рейнгольд (Карл Густав. — *В.М.*) тотчас поскакал в Митаву и первым подробно донес Анне Иоанновне о распоряжениях московского Верховного совета. Таковой опыт приверженности графов Левенвольде приобрел полную доверенность императрицы Анны, которая вскоре возвела их на первые степени в государстве¹.»

---

¹ Граф Рейнгольд Левенвольде был обер–гофмаршалом и кавалером св. Андрея и св. Александра. В 1742 г., по восшествии на престол Елизаветы Петровны, с другими знаменитыми вельможами учинился несчастною жертвой неправосудия и был сослан в заточение в Соликамск, где и умер в 1758 г. Граф Карл, умерший в 1735 г., был обер–шталмейстером, генерал–поручиком, генерал–адъютантом и гвардии Измайловского полка подполковником; имел орден св. Андрея. — *Примеч. рук. в тексте «Замечаний».*

А. С. ПУШКИН. «ЕЗЕРСКИЙ». ВАРИАНТЫ НАЧАЛЬНЫХ СТРОФ РОМАНА. СТРОФА VII. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 10 ТОМАХ, Т. IV, С. 399.

Царя не стало; государство
Шаталось, будто под грозой,
И усмиренное боярство
Его железною рукой
Мятежной предалось надежде:
«Пусть будет вновь, что было прежде,
Долой кафтан кургузый. Нет!

Примером нам **да будет**¹ швед».
Не тут-то было. Тень Петрова
Стояла грозно среди бояр.
Бессилен немощный удар,
Что было, не восстало снова;
Россию двинули вперед
Ветрила те ж, среди тех же вод.

¹ Sic! Прямое упоминание А. С. Пушкиным митавских кондиций, прообразом которых стало государственное устройство Швеции при Ульрике-Элеоноре. Часто (даже М. И. Семевским в книге «Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс, 1692–1724. Очерк из русской истории XVIII века». С.-Петербург, 1884, в конце гл. «Заключение», на с. 254) А. С. Пушкин цитируется неправильно: «Примером нам *не* будет швед». Причина ошибки легко объяснима. Вот вкратце хроника установления так называемой «эры свобод» в Швеции. Легкость, с которой произошла перемена формы правления, объясняется умелым использованием «поборниками демократии» разгоревшегося в королевском семействе династического конфликта. А суть конфликта такова.

Законным преемником Карла XII являлся герцог Голштинский (отец Петра III, женившийся в 1726 г. на дочери Петра Великого Анне) — сын сестры Карла — Гедвиги-Софии (1681–1708). В то же время о короне мечтал и муж младшей сестры Ульрики-Элеоноры (1688–1741) — герцог Фридрих Гессенский (1671–1751). Но при всем его желании, законным путем получить венец он не мог. С одной стороны Карл XII на счет наследника уже давно определился, выбрав герцога Голштинского. С другой — жена герцога Гессенского Ульрика-Элеонора, нарушив закон 1604 г. об исключении из престолонаследия принцессы, вышедшей замуж не за лютеранина или, по крайней мере, без разрешения сословного сейма, обвенчалась с Фридрихом, не спрашивая мнение риксдага, а Фридрих Гессенский, как известно, исповедывал реформаторскую ветвь протестантизма (между тем, как мать Карла Фридриха Голштинского — с 1698 г. жена лютеранина Фридриха IV Голштинского (1671–1702)). Супружеской чете, жаждавшей царствовать, необходимо было как-нибудь убрать оба препятствия.

Первая преграда исчезла сама собой: Карл XII погиб при осаде Фридрихсгольма 30 ноября (11 декабря) 1718 г. Правда многие шведы были убеждены, что гибель короля — результат заранее спланированного заговора. Эту версию безусловно слышал Н. Панин и, вероятно, полагал близкой к истине, раз ориентировался на нее при подготовке свержения Петра III. Более существенное второе препятствие — закон 1604 г., претенденты обошли, предложив нации уничтожить самодержавие. О чем принцесса Ульрика-Элеонора заявила на заседании сената вечером 2 декабря. Удивленные сановники перечить не захотели, также как и прочие шведы, которые, узнав из прокламации 4 декабря о выгодных для нации условиях воцарения принцессы, согласились пойти с ней на сделку. О правах Карла Фридриха Голштинского больше никто не вспоминал. 20 января 1719 г. риксдаг приступил к работе, а 21 февраля сословия вотировали конституцию. Так Ульрика-Элеонора, поступившись законодательными прерогативами, сделалась королевой.

Год спустя муж уговорил ее отречься в свою пользу. И хотя жена не возражала, эта «рокировка» не была бесплатной: сословия дали добро на коронацию ее супруга Фридриха Гессенского, получив взамен королевские исполнительные полномочия. И так, 2 мая 1720 г. «купля-продажа» совершилась. Вся полнота власти в Швеции перешла к сословиям. Законодательной распоряжались депутаты риксдага; исполнительной — правительство — риксрод во главе с канцлером Арвидом Горном. 14 мая Фридрих короновался, став *царствующим, но не управляющим* монархом. — Прим. В.М.

Густав Рейнгольд Левенвольде (1693–1758)

Граф (с 1726). С 1730 г. обер-гофмаршал императрицы Анны Иоанновны. В 1741 г., после переворота Елизаветы Петровны, арестован и сослан в Соликамск.

«ЗАПИСКИ МАНШТЕЙНА О РОССИИ. 1727–1744.» ПЕР. С ФР. С ПОДЛ. РУКОПИСИ МАНШТЕЙНА И РЕД. ИЗД. М. И. СЕМЕВСКОГО. СПБ., 1874.

«... В сущности, преступление всех арестованных лиц состояло в том, что они не понравились новой императрице и слишком хорошо служили императрице Анне. Сверх того, Елизавета обещала тем, которые помогли ей взойти на престол, что она освободит их от притеснения иностранцев, поэтому пришлось осудить тех, кто занимал высшие должности.

Согласно определению, граф Остерман был приговорен к колесованию заживо; фельд-маршал Миних — к четвертованию; графа Головкина, графа Левенвольде и барона Менгдена присудили к отсечению головы. Императрица даровала им всем жизнь; их сослали в разные места Сибири. Граф Остерман получил помилование лишь на эшафоте, когда его голову уже положили на плаху.

Двор издал по этому случаю манифест, где были перечислены все преступления, в которых они обвинялись.

Миних, Остерман и Левенвольде перенесли свое несчастье с твердостью; не то было с другими. Все поместья сосланных, за исключением тех, которые жены их принесли за собою в приданое, были конфискованы в пользу двора, который наградил ими других лиц. Жены осужденных получили позволение поселиться в своих поместьях и не следовать за мужьями в ссылку, но ни одна из них не захотела воспользоваться этою милостью.»

Рис. 1. А.И. Остерман

Рис. 2. Б.Х. Миних

Н. И. КОСТОМАРОВ. РУССКАЯ ИСТОРИЯ В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ ЕЕ ГЛАВНЕЙШИХ ДЕЯТЕЛЕЙ. ГЛ. 22.

«... Граф Левенвольд, собираясь ужинать, получил от кого-то сведения о замыслах цесаревны и ее приверженцев, записал полученные сведения на бумаге и, хотя было уже поздно, поспешил в Зимний дворец. Правительница уже легла спать. Левенвольд передал записку ее камер-юнгфере и поручил довести ее до сведения правительницы. Камер-юнгфера вошла в спальню со свечою и подала записку. Полусонная Анна Леопольдовна пробежала ее и произнесла: «Спросите графа Левенвольда, не сошел ли он с ума?». Левенвольд воротился домой в отчаянии, а наутро поехал к правительнице и стал уговаривать не пренебрегать грозящею опасностью. «Все это пустые сплетни, — сказала правительница, — мне самой лучше, чем кому-нибудь другому, известно, что цесаревны бояться нам нечего» (Вейдемейер: «Обзор», т. II, стр. 50).»

Известна глубокая привязанность Н.Ф. Лопухиной¹ к Г.Р. Левенвольде.

«Мне сделала визит после родов первейшая красавица столицы, госпожа Лопухина, — пишет леди Рондо к приятельнице в Лондон в 1738 году, — это жена здешнего вельможи, которого вы должны были встречать в Лондоне. Госпожа Лопухина ... племянница Анны Монс ... находится в связи с графом Левенвольде и очень верна ему.»

---

¹ Наталья Федоровна Лопухина, дочь генерал-лейтенанта и кавалера Федора Николаевича Балка, племянница Анны Монс. С 1817 г. замужем за Степаном Васильевичем Лопухиным, двоюродным братом Евдокии Лопухиной, первой жены Петра I. В 1743 г. подверглась наказанию кнутом и урезанию языка и вместе с мужем сослана в Сибирь. — Прим. В.М.

В 13 день декабря 1745-го, о полудни, при докладе у Ея Императорскаго Величества чрез канцлера о делах происходило:

...

34. Поднесено было к Ее Императорскому Величеству из Вены, от Левенвольда¹ писанное, и сюда при письме от тайного советника Ланчинскаго х канцлеру присланное, письмо, которым он, как по полученной при том же от вице-канцлера рекомендации видно, о свободе брата ево, бывшего обер-гофмаршала, или об отдаче ему деревень его, братних, в Лифляндии просит.

Но Ее Императорское Величество, не соизволяя на то и не распечатывая, оное Левенвольдово письмо обратно отдать изволила.

граф Алексей Бестужев-Рюмин

---

¹ Письмо от 15/26 ноября 1745 г., получено в Спб. 11/22 декабря. Написано Левенвольде Фридрихом Казимиром (1692–1769); с 25 XI 1730 г. имперский граф, с 1734 г. в австрийской службе (1734 – генерал-майор, 1741 – генерал от кавалерии) [GHE. Bd. 1, S. 610].

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ. «КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ», ч. 4-я. М., 1910, стр. 391.

«Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из «клеотур» двух сильных патронов, «каналы курляндца», умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого каналы, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольде, *обер-штальмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника*¹. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, какие мастерил другой Левенвольде, обер-гофмаршал, перещеголявший злокачественностью и своего брата², вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упада на доимочные деньги, выколачиваемые из народа... Недаром двор при Анне обходился впятеро-вшестеро дороже, ... чем при Петре I, хотя государственные доходы не возрастали, ... скорее убавлялись.»

¹ ВАРЛААМ (вырывая бумагу). Отстаньте, сукины дети! Что я за Гришка? — Как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! Нет, брат! Молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит. (Читает по складам.) «А-лет е-му от-ро-ду . . . . . 20». — Что брат? где тут 50? видишь? 20 ...

² «... Впрочем, понимаете, что *безыменным* письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое ... Он (А.С. Пушкин — В.М.) говорил спокойно, с большим достоинством, и, казалось, хотел оставить все дело *без внимания*. Только две недели спустя, я узнал, что в этот же день он послал вызов кавалергардскому поручику Дантесу, усыновленному, как известно, голландским посланником, бароном Геккереном. ...» (Гр. В.А. Сологуб. Воспоминания, 178). [Из: В. Вересаев. «Пушкин в жизни».]

А. С. Пушкин. «БОРИС ГОДУНОВ».

... ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто ... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою...

И.Е. Ферзен (1759–1800)

Рис. 3. И.Е. Ферзен (Художник А. Жданов, 1795 г.).

А.В. СУВОРОВ ОБ И.Е. ФЕРЗЕНЕ: «... Озаряясь свежей еще славою, разбитием главного бунтовщика Костюшки и взятием его в плен, совокупил новые лавры; он, при всей слабости здоровья, бодрствуя духом, превозмогал и труды и опасности, и как распорядителем по своей части, так и мужеством подтвердил известную о нем репутацию».

С момента основания в 1769 г. Ордена св. Великомученника и Победоносца Георгия второй его степенью было произведено всего 125 награждений.

Барон (граф с 1795 г.) Иван Евстафьевич Фёрзен (по-немецки его имя звучит так: Hans Heinrich Fersen) (1743–16.VII.1800) был награжден:

- четвертой степенью этого ордена 27 июля 1770 г. («Фёрзен Иван Евстафьевич фон, бар., прем.–майор, за отл.»),
- третьей степенью этого ордена 26 ноября 1775 г. («Фёрзен Иван Евстафьевич фон, бар., подполк. Свяжского бат. «За отличную храбрость, оказанную в разных баталиях: 1770 года сентября 1-го при городе Аккерман, в 1771 году при экспедиции за Дунаем, июля 20-го при взятии неприятельской батареи; в 1773 году в крепости Гирсове и при завладении Гуробал, того же года против Силистрии и на марше к городу Шумле»),
- второй степенью этого ордена 9 ноября 1794 г. («Фёрзен Иван Евстафьевич, бар., ген.–пор. Во уважение на усердную службу и отличной храбрости, оказанной им 29-го сентября противу мятежников польских, при Мациовице, где он взял главного возмутителя Костюшку с чиновниками и пленил всю его артиллерию»).

«РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ XVIII и XIX столетий. Издание Великого Князя Николая Михайловича С.-ПЕТЕРБУРГ 1905–1909 гг.».

«Граф Иван Евстафьевич Фёрзен (1743–1800), сын статского советника барона Карла-Густава, происходил из старинного Лифляндского дворянского рода; он начал службу в артиллерии сержантом в 1760 г. и в 1762 г. произведен в подпоручики, участвуя в 1-й Турецкой войне. За подвиги под Хотиным и при переправе через Прут, а также за осаду Силистрии, получил чины майора (1770 г.), подполковника (1771 г.) и в 1775 г. орден св. Георгия 3 кл.; по окончании войны, в 1782 г. произведен в бригадиры и в 1784 г. — в генерал-майоры.

По словам Бантыш–Каменскаго, Фёрзен был **«небольшого роста, худощав; с нравом горячим соединял доброе сердце, отличался храбростью и правотою, дорожил солдатами»**.

В 1790 г. Фёрзен участвовал в войне со Швецией и, за содействие победе Чичагова при Березовом Зунде, в день заключения мира, 3 августа 1790 г., получил шпагу с алмазами и 5 т. рублей. Произведенный в 1791 г. в генерал–поручики, командуя отдельным корпусом в Литве, Фёрзен сумел образовать тут в 1792 г. генеральную конфедерацию, признавшую покровительство Екатерины II, и быстро умиротворил весь край. Императрица пожаловала ему Александровскую звезду и 2 т. душ крестьян.

Но «блистательнейшею эпохой в его жизни был 1794 год», когда им были совершены военные подвиги во время Польской кампании. Фёрзену принадлежит честь окончательного поражения поляков 28 сентября 1794 г. при Мацювицах (Мацеевицах). До 6000 пало в бою, около 3000 было взято в плен, в том числе тяжело раненый национальный

польский герой Костюшко. Польская армия перестала существовать, и поражение при Мацювицах имело решительное влияние на дальнейшую судьбу Польши, подготовив также взятие Варшавы. Екатерина II наградила Фёрзена звездой св. Георгия 2 кл. и именем в Лифляндии. В том же году он участвовал в знаменитом штурме и во взятии Праги Суворовым, который в своем донесении писал о Фёрзене: «Озаряясь свежей еще славой, разбитием главного бунтовщика Костюшки и взятием его в плен, совокупил новые лавры; он, при всей слабости здоровья, бодрствуя духом, превозмогал и труды и опасности, и как распоряжением по своей части, так и мужеством подтвердил известную о нем репутацию».

Посланный преследовать отступавшего к Кракову польского главнокомандующего Ваврженецкаго, Фёрзен 7 ноября при деревне Радочине принудил его положить оружие, за что 1 января 1795 г. возведен в графское Российской империи достоинство.

Павел I, после недолговременной немилости, 24 декабря 1797 г. назначил графа Фёрзена директором Кадетского корпуса; 4 января 1798 г. он был произведен в генералы-от-инфантерии, а 24 декабря вышел в отставку. Поселившись в городе Дубно, граф И.Е. Фёрзен там и умер 16 июля 1800 г.».

ЛАНЖЕРОН А.Ф. «РУССКАЯ АРМИЯ В ГОД СМЕРТИ ЕКАТЕРИНЫ II». СОСТАВ И УСТРОЙСТВО РУС. АРМИИ. ПРЕДИСЛ. И ПРИМЕЧ. АВТ. СООБЩ. Н. ШИЛЬДЕР; ПЕР. ПО РУКОПИСИ В.Н.М. РУССКАЯ СТАРИНА, 1895. Т. 83. № 3, СТР. 147–166.

«... Между генерал–поручиками¹ следует отметить: Граф Иван Фёрзен, будучи превосходным генералом, без сомнения, является, после Румянцева и Суворова, лучшим из генералов, которыми обладает Россия. Сверх того это человек твердый, образованный, но невоздержанность настолько разрушила его здоровье, что ему почти невозможно продолжать службу. Михаил Кутузов² также считается одним из военных идолов русских. Трудно иметь более ума; но вот и все, что можно сказать о нем».

---

¹ Ланжерон упоминает численный состав генералитета: «... генерал–аншефы; их 9 или 10, потом генерал–поручики, в числе 35 или 40; общее число генералов, считая при этом артиллерию, инженеров, генеральный штаб и казаков, не превышает ста». — *В.М.*

² А.С. Пушкин:

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой ...
Все спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
**Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов ...**

ВИГЕЛЬ Ф.Ф. ЗАПИСКИ: в 2 кн. М.: ЗАХАРОВ, 2003.

«... В числе полков, коим в Киеве Малютин (Гатчинец, инспектор, о котором Вигель отзывается как о «добром малом». — *В.М.*) делал смотр, был также и Киевский гренадерский. Его шефом был тогда знаменитый граф Фёрзен, победитель Косцюшки, **немец, каких давай Бог более русским**. Он не скрывал, сколь тяжело ему поникнуть лавровой славой почти перед мальчиком; очень умно и вежливо сказал он это ему самому; но Малютин не был, видно, потомок Малюты Скуратова, а если и был, то не походил на своего предка, ибо с благоговением и стыдом принял рапорт от Фёрзена.

После такого героя отцу моему уже не стыдно было представить новый полк свой на смотр г. Малютину. Мне в первый раз случилось тут увидеть покойного отца перед фронтом. Я не мог им налюбоваться. Ему было тогда около шестидесяти лет, но всем, кто тут был, показался он двадцатью годами моложе. Сам Малютин удостоил его величайших похвал».

ВИГЕЛЬ Ф.Ф. ЗАПИСКИ: В 2 КН. М.: ЗАХАРОВ, 2003.

«...Мимоходом сказал я несколько слов о графе Ферзене. Я никак не могу сим ограничиться; ибо сей человек, коего именем украшаются наши военные летописи, был частым посетителем нашего дома, и мне нередко удавалось слышать любопытный его разговор. Он был тщедушен, роста небольшого, имел нос длинный, щеки впалые, лицо бледное; голос его был тих, и наружность всегда спокойна, даже тогда как говорил он с жаром; только одни глаза его разгорались огнем ума и чувства. Воин Екатерины, он, подобно ей, всеми силами пламенной души своей прилепился к нашему великому отечеству и служил ему не как наемник¹, а как преданнейший сын. Германия сделалась ему вовсе чуждой; несправедливость ее сынов против народа, его благородным сердцем избранного, против земли, подательницы побед и славы, его жестоко оскорбляла. Когда соотечественники² его сделались образцами для нашего войска, он не скрывал намерения оставить службу, прибавляя, что если возгорится у нас война с Пруссией либо с Австрией, то он опять готов вступить в нее, хотя бы простым рядовым».

---

¹ Это, конечно, так, тем более, что Эстляндия, родина И.Е. Фёрзена, была частью Российской империи. — В.М.

² Это фактическая неточность. Вигель пишет о пруссаках, забывая, что И.Е. Фёрзен немцем был, но пруссаком не был никогда. — В.М.

КАРЛ ГЕНРИХ ГЕЙКИНГ «ИЗ ДНЕЙ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА. ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ И ЕГО ВРЕМЯ. ЗАПИСКИ КУРЛЯНДСКОГО ДВОРЯНИНА 1796–1801» («РУССКАЯ СТАРИНА», изд. 1887 г., Т. LVI, НОЯБРЬ, СТР. 365–394).

«Генерал граф Фёрзен был прикомандирован к кадетскому корпусу и подчинен великому князю Константину Павловичу. Долго выносить остроумные выходки этого юноши стало ему невмоготу, и он попросил об увольнении в отставку Павел пожелал узнать причину. Сначала храбрый солдат этот сказал, что чувствует себя нездоровым; но затем, когда стали у него допытываться о настоящей причине, он прибавил:

— «Ваше величество требует правды? Ну, так простите меня, государь, но, право, грустно для человека, состарившегося на войне, иметь и над собой и под собой одних детей».

Если бы побольше людей подобного закала стояло вблизи престолов, то последние держались бы крепче, а государи могли бы менее опасаться измены».

Карл Карлович Левенвольде (1779–1812)

Барон Карл Карлович Левенвольде (Левенвольд) 1-й

«Барон Карл (Фридрих-Карл-Иоганн) Карлович Левенвольде 1-й, 1779–1812, из лифляндских дворян, сын отставного майора русской службы Карла-Магнуса (ск. 1799 г.) и его жены Августы-Луизы, рожд. баронессы Пален (1743–1801), родился в Раппине 15 июня 1799 г.; в службе с 1 февраля 1790 года квартирмейстером в лб.-гв. Конном полку; в 1795 г. произведен в вахмистры; 22 янв. 1797 г. переведен корнетом в Рижский кирасирский полк, 22 августа 1798 г. переведен в кирасирский Неплюева полк и 8 декабря того же года произведен в поручики; по расформированию полка Неплюева переведен в кирасирский Воинова (Стародубовский) полк; в марте 1801 года находился инспекторским адъютантом при графе фон-дер-Палене; 19 марта того же года переведен в Кавалергардский полк, но не мог тотчас же явиться, «ибо», рапортовал Левенвольде 22 марта, «я нахожусь три недели болен»; в 1802 г. произведен в штабс-ротмистры и в 1804 г. в ротмистры.

Барон Левенвольде участвовал в знаменитой атаке кавалергардов под Аустерлицем и по окончании боя командовал кавалергардскими пикетами, отступившими последними с поля сражения. 13 сентября 1806 г. уволен от службы полковником, а 11 марта 1807 г. вновь поступил в полк ротмистром и 10 апреля прибыл на поход к полку; 27 сентября того же года произведен в полковники и назначен командиром 3 эскадрона, которым блестяще командовал.

В 1812 г. Левенвольде выступил в поход с полком и 15 мая принял от полковника С.Н. Ушакова, назначенного шефом Курляндского драгунского полка, командование Кавалергардским полком.

Во время Бородинского сражения, когда французам удалось, наконец, прорвать наш центр, единственным кавалерийским резервом остались кавалергарды и Конная гвардия. В это время от Горок подъехал к бригаде Барклай. «Attaquieren Sie», спокойно сказал он Левенвольду. Громким «ура!» отвечал полк на это приказание; 1 и 4 эскадроны двинулись рысью, за ними «en échiquier» пошли 3 и 5 эскадроны под командою В.В. Левашова.

В небольшой и пологой ложине, прямо против полка строилась в полковые эскадронные колонны кавалерия Латур-Мобура: впереди саксонские Gardes-du-corps, за ними Саксонские кирасиры Цастрова и Польские уланы.

Пройдя между каре нашей пехоты, Левенвольде повел 1 эскадрон прямо, а командиру 4 эскадрона Е.В. Давыдову приказал атаковать во фланг. Заметив движение кавалергардов, неприятельская кавалерия начала разворачивать фронт. Ясно слышались командные слова: «En avant!», затем «Halte!» и «Par quatre à droite et à gauche!».

Но было уже поздно. «Галопом! Марш!», скомандовал Левенвольде и, повернув лошадь налево, только успел закричать Давыдову: «Командуйте, Евдоким Васильевич, левое плечо», как упал с коня, пораженный картечью в голову. Первая линия замялась, но, поддержанная второй, врубилась в неприятельскую кавалерийскую колонну.

По отзыву его товарища М.П. Бутурлина: «Le colonel Baron de Löwenwolde était un bel homme, d'une taille grace et élancée, la tête haute, une physionomie allemande, très flegme, très pointif, excellent officier et qui aurait été loin, s'il eût vécu; très aimé, très respecté au régiment et brave comme son épée».¹

Оба брата Левенвольде, достойные представители нашего Балтийского дворянства, нашли смерть на поле сражения, защищая, в рядах кавалергардов, честь и достояние своего отечества — России. Со смертью барона Карла Карловича Левенвольда пресекся род Левенвольдов».

---

¹ «Полковник барон Левенвольде был красивый мужчина, стройный и благородного вида, высоко держащий голову, с немецким типом лица, очень хладнокровный, очень пунктуальный, отличный офицер, который бы далеко пошел, если остался жив; очень любимый, очень уважаемый в полку и очень храбрый в бою» (Пер. с фр. — В.М.).

Gerhard Johann Baron von Löwenwolde
 (Born 16??, Died 1723)
 m. (1680) Magdalene Elisabeth von Löwen
 (Born 16??, Died 1???)

Helena Christina (Charlotte), née Baroness von Löwenwolde
 (Born 1???, Died 1???)
 m. (1722 [or 1721]) Berend Friedrich von Schlippenbach
 (Born 1695, Died 1737 [between 1734 and 1741])

Siri Charlotta, née von Schlippenbach
 (Born 20.IV.1726, Bockenhof, Died 27.II.1775, Alt-Bornhusen)
 m. (not before 1744) Otto Johann von Schlippenbach
 (Born 1719, Died 08.IV.1808, in Wieratz, near Fellin)
 since 1768 Baron of the Holy Roman Empire

Heinrich Johann (Russ. style: Andrei) von Schlippenbach
 (Born 11.X.1745, in Alt-Bornhusen, Died 1???)
 m. (1???) ?????
 (Born ????, Died ????)

Anton von Schlippenbach
 (Born between 1776 and 1778, Died not before 1836)
 Lt. colonel of the Leib-Cuirassier Her Imperial Majesty Regiment
 m. (approx. 1816) Ol'ga Grigor'jevna, née Ukraintzeva
 (Born 1???, Died 18??)

Helena, née von Schlippenbach
 (Born between 1821 and 1827, Died not before May 1890)
 m. (approx. 1841) Peter Ivanovich Matwejev
 (Born 1813, Died 18??)

Konstantin Matwejev
 (Born 19.III.1844, in Narowchat, near Penza, Died 1891, in Moscow)
 m. (10.IV.1885, in Moscow) Alexandra Fedorovna, née Gritzenko
 (Born approx. 1860, Died 18??)

Walentina, née Matwejeva
 (Born 01.VII.1888, in Moscow, Died 19.I.1961, in Moscow)
 m. (02.X.1909, in Kazan') Nikolai Ivanovich Malinovskii
 (Born 23.XII.1871, Died 30.I.1935, in Moscow)

Konstantin Malinovskii
 (Born 02.II.1925, in Moscow, Died 03.VII.1991, in Moscow)
 m. (1955, in Moscow) Tatjana Nikolajevna, née Naumova
 (Born 07.XI.1928, in Moscow, Died 17.X.2004, in Moscow)

Vsevolod Malinovskii
 (Born 07.XII.1956, in Moscow)
 m. (1987, in Moscow) Larissa Dmitrievna, née Lissichkina
 (Born 16.III.1961, in Moscow)

Konstantin Malinovskii
 (Born 23.VI.1988, in Moscow)

Из: От Лифляндии — к Латвии. ПРИБАЛТИКА РУССКИМИ ГЛАЗАМИ. СОСТАВИЛ Ю.АБЫЗОВ.

«... Как теперь помню барона Матвея Ивановича. Высокий, плотный, стройный такой. Много я на своем веку хорошего про людей слыхивал, но мало кому удавалось снискать такое общее расположение, каким пользовался Пален. Его все знали за истинно благородного, благодушного и честного человека, каким он был действительно. Не знаю я его родословной (курляндец, кажется, был), да и чинов его и отличий тоже не знаю, но знаю заподлинно, что своим кротким нравом, убедительностью речей, своею благородною личностью он много народу, замешанного в польский бунт, от Сибири спас, а может и от кнута избавил, а именно тем, что где ни проходил по Ковенской губернии, везде умел так привлечь к себе польских дворян и молодежь, что те, повинаясь его убеждениям, мирно расходились по домам, бросали думать о шайках да о бунте. И ведь надобно же было так случиться, что 1841-й год разыгрался при нем. Как был кругом опутан честный старик, как был обманут кругом, не допуская обмана в своей частной жизни, да уж поздно было. **Весь век свой прослужил верою и правдою Руси (дай Бог всякому так послужить)**, а все-таки нашей матушки не уразумел, а стал лицом к лицу с православием, так и вовсе в тупик стал: известно — иноверный, лютеранский был. Ну да что об этом толковать. Это был, одним словом, почтенный человек.

Вот однажды был с ним какой случай.

Проживал в Риге в тридцатых годах медник по имени Петер Бокум, так своеобразный медник, характерный, что даже удивительно. Честнейших был правил человек, а лжи и обмана не терпел и правду в глаза всякому говорил. Его вся Рига знала, а мошенники (не одни же ведь карманщики на самом деле мошенниками суть) так даже и побаивались его: при людях осрамит непременно. Такой уж был медник. Вот в Верманском парке сидит он в компании (никто его обществом не брезгал, ни купцы, ни ремесленники — умный был), толкует о том, о сем, и зашла речь о роде Паленов.

— Гм, — говорит Петер Бокум, — а я своего рода не променяю на род его. — Как так? — Да вот и так, — говорит.

Нашлись, однако же, охотники, которые сейчас побежали к барону Матвею Ивановичу: так и так, говорят, новый историк нашелся, про ваше высокопревосходительство гласно при людях в саду отзывается нехорошо.

— Знаю я Петера Бокума получше вашего. Пожалуйста, в другой раз с такими докладами ко мне не ходить. Худо ли, хорошо ли про меня человек говорит — до вас не касается, ибо я делаю, что закон и совесть мне повелевают. А Петера Бокума попросите ко мне на беседу, на чашку чая.

Приходит Петер.

— Вот что, любезный Петер Бокум, скажу я тебе: глупо хвастаться или унижаться своими предками. Твои предки были медниками, мои были баронами; мы с тобой тут ровно ни при чем. **Были хорошие люди — им честь, были дурные люди — Богу ответ дадут.** А я-то при чем тут? Так знаешь ли — помалчивай-ка лучше. Другой еще рассердится.

Петер ушел, всегда он хвалил лично барона, но только лично: его, бывало, и не переспоришь...»

1884 г. И.А. ГОНЧАРОВ — К.К. РОМАНОВУ (1858–1915) [ПСЕВДОНИМ: К.Р.]

«...Я познакомился с некоторыми из немецких баронов, и не баронов тоже — и, правду говоря, — не только не заметил никакой вражды: напротив, они показались мне очень порядочными, образованными, предупредительными джентльменами. Они сходятся с нами, русскими, в парке, на музыке, играют в карты, говорят порядочно по-русски, а «иные, как скалозубовские офицеры, и по-французски»! Мне кажется, что есть надежды, что они со временем исправятся, забудут всякий антагонизм — и взамен всех получаемых от России и из России благ — **научат нас, Русских, своим, в самом деле завидным племенным качествам, недостающим Славянским расам — это persévérance¹ во всяком деле (не умею перевести persévérance) и систематичности...**»

---

¹ Упорство, настойчивость, стойкость. — *фр.*

М.Э. КЛЕЙНМИХЕЛЬ. «ИЗ ПОТОНУВШЕГО МИРА».

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ В РОССИИ ГЕРМАНСКАЯ ПАРТИЯ

«... Во многих странах слыхала я разговоры о германофильской партии в России, читала о ней статьи на разных языках. Спокойный наблюдатель мог бы заметить, что **со времени Александра II в России не было германофильской партии.** Высшие военные круги, особенно офицерство Генерального штаба, происходившее из демократических кругов общества, стремились к лаврам и считали, что это легко достижимо при условии союза с Францией (это мнение усилилось после несчастной японской войны). Интеллигенция симпатизировала республике и была счастлива возможностью петь марсельезу, что ранее строго каралось и из-за чего не один уже был сослан в Сибирь. Купцы видели в Германии сильного конкурента. Рабочие на фабриках не любили аккуратного, требовательного мастера-немца. Мужики считали себя вправе жаловаться на немца-управляющего, наказывающего пьяниц и лентяев, а состоятельный класс, тративший большие деньги в Париже, выражал, конечно, свои симпатии французам — их ресторанам, бульварам, театрам, портным, кокоткам, полагая, что в этих симпатиях и заключается любовь к Франции.

Приезд юной прекрасной принцессы Дагмары содействовал укреплению антипатии к Германии, так как опечаленная вместе со своей родиной потерей Шлезвиг-Гольштинии она передала свое чувство недовольства наследнику и его окружающим и вскоре оказалось, что все молодые гвардейцы возмущены тем, что Шлезвиг-Гольштиния не принадлежит более Дании. Это возмущение усилилось, когда стало ясно, что со времени

Александра III лишь противники немцев делали карьеру подобно тому, как в царствование Александра II успевали германофилы. И при дворе лишь старый великий князь Михаил Николаевич (дядя царя), последний из Романовых, остался верен дружбе, соединявшей две царские династии — русскую и германскую. Сыновья же его, наоборот, питали к Германии антипатию. . .

Конечно, находились люди, дававшие себе отчет в том, что политика страны, державшаяся в течение многих столетий известного направления, не могла быть так легко заменена противоположной, но это были единичные лица, не составляющие никакой партии. У них не было вожака, как, например, у славянофилов — Воронцов-Дашков, впоследствии ставший министром двора. Между ними были люди европейски образованные: граф Александр Адлерберг, владевший шестью языками; граф Валуев, граф Пален, министр юстиции; граф Петр Шувалов — посол в Лондоне; барон Роман Розен — один из подписавших Портсмутский договор, и Петр Дурново — министр внутренних дел, который имел смелость перед войной 1914 года передать Николаю II свой доклад о том, что России необходимо не нарушать дружеских отношений со своими западными соседями. Он описывал государю последствия, к которым могла бы привести агрессивная политика. Витте также предвидел последствия политики Сазонова и Извольского. Он сделал все, чтобы избежать того водоворота, который грозил нам катастрофой. Но, резкий в своих выражениях — почему его и считали энергичным, — он был на самом деле нерешительным, колеблющимся, к чему обязывало его положение в обществе — щадить друга и недруга.

Германия была у нас тогда так нелюбима, что ее защитники, приводя свои доказательства, обыкновенно начинали так: “Немцев я никогда не любил и симпатизировал всегда французам, но я нахожу, что и т. д.”

Во время войны произошло чудо: не оказалось более никого, кто был бы немецкого происхождения. В течение часа я встретила с обоими генералами Гартунг: один из них с убеждением говорил, что он шотландского происхождения, как всем известно, — другой же с таким же убеждением утверждал, что он, как всем известно, голландского происхождения.

Однажды я беседовала в Сальцбадене у Стокгольма с великой княгиней Елизаветой Маврикиевной, этой несчастной матерью, потерявшей одного сына на войне и трех в Сибири. Я спросила ее, почему, кроме Гавриила, всегда к ней нежно относившегося, все ее остальные сыновья под предлогом, что она немка, скверно с ней обращались. “Каким образом ни вы, ни великий князь не могли сдержать политические безобразия ваших сыновей, так как убеждением я этого назвать не могу?” — “Что делать, — ответила она, — мы были оба бессильны — **это было такое поветрие**”... »